

Василий Гонзалес

*ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.
ТРИ СМЕРТИ.*

16+

Василий Гонзалес

Вторая мировая война. Три смерти

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гонзалес В.

Вторая мировая война. Три смерти / В. Гонзалес — «ЛитРес: Самиздат», 2014

События рассказа происходят во время второй мировой войны в глухой белорусской деревне. Люди и война.

Поздней осенью страшного 1941 года, холодным дождливым вечером из лесу вышел человек. Его ноги скользили по мокрой земле, он спотыкался и падал в грязь, минуту отдыхал, вставал и шел дальше. На нем была грязная шинель немецкого покроя без знаков отличия, изорванные форменные штаны, на ботинки налипли тяжелые комья бурой глины. В волосах его и в рыжей щетине тоже была глина. Человек шел уже десятые сутки по лесу, по оврагам, по болотам, избегал людей, обходил стороной редкие хутора и деревни, спал на земле,пил грязную дождевую воду. Голод одолевал его. На седьмой день он попытался съесть обглоданные останки какого-то животного, судя по шкурке – зайца, но его сразу вырвало, и рвало до самого вечера, выворачивало пустой желудок наизнанку, пока сон не свалил человека под корни поваленной ветром сосны. Как дикий зверь лютой зимой из отчаяния пренебрегает запахом дыма и опасностью быть убитым и выходит к человеческому жилью в поисках пищи, так на десятое утро человек все же решил идти к людям, понимая, что его могут сразу убить, не разбираясь, убить просто потому, что он немец. Человек был жестоко простужен, его била лихорадка и он знал точно, что еще одной ночи на холоде, без еды, под дождем он все равно не переживет. К концу дня он отчаялся встретить людей. В некоторые дни ему приходилось обходить стороной две-три деревни, а сегодня казалось, что лес бесконечен, что люди вокруг никогда не жили. Под вечер ему все же повезло, он вышел на окраину небольшой деревни, и, не прячась, не было сил ни прятаться, ни вообще думать, направился в первую же на пути хату, стоявшую чуть в отдалении от остальных, близко к лесу. Никем не замеченный, кроме старого сиплого пса, немец прошел через незапертую калитку, подошел к дому, постучал в дверь и медленно осел без сознания на крыльцо.

Тетка Марья втащила полуживого, страшного от истощения, человека к себе в сени. После того, как единственного сына тетки Марьи (больше Бог не дал) новая советская власть забрала в армию, а спустя два месяца почтальон из большой деревни, пряча глаза, вручил ей похоронку с финского фронта, она жила одиноко, гостей не жаловала, к соседям ходила только в случае нужды. Еще раньше, в тридцать девятом, когда большевики насильно загоняли людей в непонятные колхозы, в деревню приехали трое в кожаных плащах и забрали ее мужа. Сказали, что он богатый, и что он враг советского народа и что скоро приедут и за ней. Корова и хата с дощатым полом – вот и все богатство. Правда, зимой не голодали, как многие, потому что муж не пил, был работающий и хозяйство вел исправно. Больше она мужа никогда не видела и вестей ни от него, ни о нем не получала.

Немец пролежал в горячке два дня. Он был очень плох, тетка Марья не верила в его выздоровление, но заставляла пить травяные отвары, молоко, забила курицу и поила немца бульоном, кормила вареным куриным мясом. Немец почти все время спал, он то потел так, что исподнее можно было выжимать, то его била сильная дрожь, и Марья накрывала его мужниным кожухом. Когда просыпался – бредил, хватал Марью за руки, смотрел невидящими голубыми глазами и хрипло повторял одно и то же: «T;tet mich nicht, bitte... Ich bin kein Faschist, bin kein Soldat... Ich habe niemand get;tet... Ich habe nicht einmal geschossen... Bitte, bitte ...» Марья ничего не понимала, положив руку на его горячий лоб, успокаивала, приговаривала: «Біты, біты... Я бачу, што ты біты... Ціха, ціха, ляжы ціха... Біты...» На третий день жар спал, немец проснулся, осмотрел хату и тихо спросил: «Wo bin ich? – затем вспомнив все, поняв, что эта женщина спасла его, быстро зашептал, – Ich danke Ihnen, vielen Dank...» Не услышав ставшего привычным «bitte», Марья поняла, что болезнь отступила. «Ну вось, ужо не біты, ужо жывы... Ну і добра, што жывы. Дзякуй Божа. Будзеш жывы, ну і добра...»

Объясниться им так никогда и не удалось. Тетка Марья ничего не понимала из гортанной речи немца, а немец ни слова не понимал из белорусско-польской речи Марьи. Выяснили,

что немца звали Гюнтер. Марья первое время звала своего нового жильца на свой лад – Гунтар. Однажды, Гюнтер долго что-то пытался объяснить тетке Марье, но видя, что его не понимают, быстро, короткими уверенными движениями нарисовал угольком на белой стене печи домик с окошками, дым из трубы, большое дерево, полоску земли. Рядом – фигурку женщины и фигурку ребенка. «Das ist mein Haus in Berlin, verstehen Sie? Berlin. Das ist mein Haus, das meine Frau, das ist mein Kind, meine kleine Prinzessin. Ich bin aus Berlin, verstehen Sie, Berlin...»

– говорил немец, улыбаясь и указывая на рисунок. Марья дивилась на неожиданно красивый рисунок, улыбалась вместе с немцем и кивала: «Блін, блін, розумею... Жонка твая, дзіця, хата... Усе розумею, але дзе тут блін, не розумею. Добра, нехай будзе блін...» С того случая Марья стала называть немца Блином. Позже Марья заметила, что к фигуркам женщины и ребенка прибавилась еще одна – мужская. Гюнтер иногда подолгу смотрел на свой рисунок, в глазах была тоска, а по щекам текли слезы. В такие моменты Марьино сердце сжималось от жалости, и она отводила его от рисунка, приговаривала: «Блін, Блінок... Не глядзі ты на гэты блін... Сэрца рвецца на цябе гледзячы. Паедзеш яшчэ да жонкі, будзе табе і блін». Немец был примерно того же возраста, что и погибший Марьин сын, и внешне был на него похож: невысокого роста, неуклюжий и узкоплечий, с копной желтоватых, как солома волос, с такими же ясными голубыми глазами. Иногда, хлопоча у печи и глядя на спину и соломенные волосы сидевшего за столом немца, Марья забывалась, и на мгновение ей казалось, что за столом сидит ее Тадик, Тадеуш, что он вернулся с финского фронта, что похоронка была ошибкой, что это его, своего сына она втащила больного и страшного в хату, выходила его, и что сейчас ее сын с ней, а скоро вернется и муж, и снова все станет хорошо. Дыхание спирало, сердце просилось из груди, но угольный домик, угольное дерево, угольные фигурки возвращали ее обратно. «Гэта Блін, гэта Блінок... Нехай ен жыве, малады яшчэ, паедзе дахаты, да жонкі, да дзіцяці».

С течением времени Марья и Гюнтер как-то сжились, научились понимать друг друга. У них появились понятные обоим слова и жесты, обозначающие простые вещи: еда, вода, хлеб, растопить печь, помыться в бане. Немец выходил из дому только ночью и только по необходимости, раз в неделю ночью же мылся в почти остывшей бане. Желая быть хоть чем-то полезным, он старался не сидеть без дела, брался за ремонт нехитрого Марьиного инвентаря, иногда готовил еду в печи, прибирался в хате. Сожалел о том, что не может ни дров наколоть, ни воды из колодца принести. Марья смеялась над мозолями, появлявшимися на его руках даже после чистки картошки: такие нежные руки бывают только у детей. Иногда вечерами Марья слушала длинные рассказы Гюнтера о родной Германии, о домике под Берлином, сколько в нем комнат и как расположены, как красиво горит огонь в камине и как ветер воет в трубе, шумит в листе старых каштанов, как тепло и хорошо сидеть вечерами у огня и как пахнет кофе; о жене, какая она хорошая и красивая, как они познакомились случайно на улице, как женились, как жили душа в душу, какая у них родилась дочь, маленькая принцесса, как он их любит и будет любить всегда; рассказывал о родителях, о друзьях и знакомых, о своей жизни, отсюда казавшейся ему особенно светлой, счастливой. Тетка Марья слушала, ни слова не понимала, но в интонациях слышала, в голубых глазах читала то радость и счастье, то озабоченность, то решимость, то тоску и боль. Она кивала ему, улыбалась вместе с ним, хмурилась, когда он хмурился. Обыкновенно такие рассказы заканчивались тем, что Гюнтер плакал, слезы текли по щекам и терялись в рыжей бороде. Марья плакала вместе с ним. Оба, не понимая друг друга, прекрасно все же понимали, что шансов добраться до дома, до «блина», увидеть когда-нибудь родных у немца практически нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.